

Сочинения Александра Мыльникова, купеческого сына города Ржева, Тверской губернии. СПб. 1859.

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

[OCR Бычков М. Н.](#)

Года три тому назад читали мы где-то отзыв о г. Мыльникове как о самоучке-поэте, вроде Кольцова, подающем большие надежды. Поэтому, когда вышли "Русские песни" г. Мыльникова, мы поинтересовались прочесть их и нашли, что он действительно вроде Кольцова, но надежд никаких подавать не может. На нем можно только изучать, каким образом та же самая мысль, то же самое чувство, выраженное почти теми же словами, получает оттенок пошлости, когда выражается не вследствие внутренней потребности человека, а с чужого голоса. Людей, поющих с чужого голоса, у нас бесчисленное множество, и многие из них пользуются даже уважением в обществе за свои сладкие и умные речи. Иных эти люди обманывают тем, что как-то умеют чужую, вовсе ими не переваренную мысль обточить в такие фразы, что она принимает вид довольно оригинальный,-- иногда и безобразный, но все-таки как будто свой. Но не все обманываются. Много находится и таких людей, которые очень хорошо знают, откуда и как зашли в голову говорунов некоторые идейки и фразы, но, несмотря на то, их похваливают на том основании, будто бы подобные фразы все-таки означают в говорящем их известную степень образованности и сочувствия к добру и истине. Не знаем -- может быть, это и правда: в чужой душе хозяйничать очень трудно,-- гораздо труднее, нежели в чужом кармане. Но для нас несомненно только одно: что кто желает и умеет делать настоящее дело, тот вообще избегает пустых фраз. Это не значит, чтобы дельный человек должен был непременно молчать и сидеть бирюком весь век. Нет, он тоже может быть красноречив, может увлекаться и увлекать своей речью, но только в таком случае, когда в самом деле вся душа его полна известным чувством или идеей. Он может говорить самые нежные речи, но только тогда, когда действительно влюблен; может произносить и угрозы, но это значит, что он их готов уже исполнить... И такого человека вы всегда отличите по тому, что у него та же самая фраза, которая опошлена для вас в речах других, выходит как-то совершенно просто и естественно: вы чувствуете, что тут ничего другого сказать нельзя было, и вместе с тем чувствуете, что слово выкатилось не одной своей оболочкой, а со всей тяжестью своего внутреннего смысла. Такие люди и такие речи, впрочем, не часто попадают в нашей общественной деятельности; с ними скорее можно встретиться в жизнеописаниях Плутарха, да и там их мало. Но все-таки есть известная грань, переходя за которую, человек оказывается более близким -- или к человеку истинно дельному, или к фразеру; все-таки с иными вы можете долго говорить, например о Франции и Англии, просто по *гиду*, а с другими такой разговор недостаточен: нужно прочитать хоть путевые письма Н. И. Греча¹.

В поэтических натурах, отличающихся обыкновенно силою воображения (или творчества, как в старину говорились), есть особенная способность реализовать идею и чувство не прямо самым делом, а поэтическим изображением. Поэт до того проникается своим чувством, что весь в него уходит и выражает его с чрезвычайной рельефностью и силою; он до того может увлечься своей идеей, что начинает видеть ее осуществление и рисует образы, в каких она должна проявиться. И вот основание, почему эстетическая критика утверждает, что человек с поэтическим талантом не должен и не может пускаться в холодную дидактику, а непременно должен представить свою идею в живых образах. Действительно, только тогда и может поэт истинно проникнуться идеей, когда она для него уже не отвлечение, а стоит на степени действительности, воплощается в живые образы. И вот почему так плохи все перефразировки великих поэтов, являющиеся под учтивым названием подражаний. Человек, читая поэта, понял его мысль, выразумел его чувство и начал выражать их по-своему: вот и явилось подражание. Но это подражание -- фраза модного господина, не более; в нем схвачен только формальный, логический смысл -- оттого оно вяло и пошло. Чтобы произвести в самом деле что-нибудь близкое к взятой пьесе поэта, надо самому дойти до такого же настроения, в каком он писал ее. Но человек с талантом, если дойдет до такого настроения, что молчать не может, то заговорит сам, по-своему; если же не сумеет придать своему чувству собственный, отдельный характер, то прочтет, пожалуй, ту пьесу, которая подходит к его положению, да на том и покончит. Редко может случиться, что его собственный мотив бессознательно сойдется с мотивом другого и напомнит вам что-то уже знакомое; но и тут вы легко заметите искренность чувства, полное усвоение и переработку мысли и